
Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-1-64-73-78

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА НАЛЬБИ КУЕКА (на примере повести «Превосходный конь Бечкан»)

Мадина Андреевна Хакуашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Хакуашева, 2025

Аннотация. Статья посвящена поэтической прозе адыгейского (западноадыгского) писателя Н. Куека. В его повести «Превосходный конь Бечкан» находит художественное воплощение авторская идея постепенного упадка традиционного образа жизни и культуры адыгов. Целью исследования явились особенности художественного нарратива, когда для автора животные и «природные» люди – ориентиры, позволяющие опознать подлинные ценности, в то же время они выступают своеобразными маркерами, безошибочно определяющими степень их утраты. Главные герои повести являются единственными выразителями должного пути развития социума и космоса. Они оказываются естественным продолжением природы, ее высшим гуманистическим воплощением. Автором вводятся антагонистические художественные образы-стихии, нивелирующие образ жизни многовековой традиционной культуры: технократия, милитаризм. Подобный художественный метод выполнен в типично пантеистическом духе и в целом определяет актуальность исследования. В статье применяются методы сравнительно-исторического, структурного, художественного литературоведческого анализа. В результате исследования можно обозначить следующие выводы: авторская стилистика реализуется в характерной авторской манере, – склонности к созерцательности, риторическому вопрошанию, афористичности. Автор прибегает к художественным средствам выражения, типичным для эпического текста, – экспрессии, гиперболе. В повести определяется тенденция «снижения» эпического стиля, который реализуется в некотором пародийном ключе. Н. Куек широко использует идею анимализма, поэтому главным героем, способным выполнять необходимую смыслообразующую и структурообразующую функции, становится животное-нарратор.

Ключевые слова: поэтическая проза, Н. Куек, анимизм, пантеистическое восприятие, природная сущность, афористичность, образ лошади, традиционная культура, технократия, милитаризм

Для цитирования: Хакуашева М.А. Символическая поэтика Нальби Куека (на примере повести «Превосходный конь Бечкан») // Вестник КБИГИ. 2025. № 1 (64). С. 73–78. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-1-64-73-78

Original article

SYMBOLIC POETICS OF NALBI KUEK (on the example of the story «The Excellent Horse Bechkan»)

Madina A. Hakuasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru , <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Hakuasheva, 2025

Abstract. The article is devoted to the poetic prose of the Western Circassian writer N. Kuek. In his story «The Excellent Horse Bechkan» the author's idea of the gradual decline of the traditional way of life and culture of the Adyghe people finds artistic embodiment. The purpose of the study was the features of the artistic narrative, when for the author animals and «natural» people are landmarks that allow identifying genuine values, at the same time they are a kind of markers that unmistakably determine the degree of their loss. The main characters of the story are the only exponents of the proper path of development of society and space. They turn out to be a true continuation of nature, its highest humanistic embodiment. The author introduces antagonistic artistic images-elements that level the way of life of the centuries-old traditional culture: technocracy, militarism. Such an artistic method is executed in a typically pantheistic spirit and, in general, determines the relevance of the study. The article uses the methods of comparative-historical, structural, artistic literary analysis. As a result of the study, the following conclusions can be made: the author's style is realized in the characteristic author's manner – a tendency to contemplation, rhetorical questioning, aphorism. The author resorts to artistic means of expression typical of the epic text – expression, hyperbole. The story implements a tendency to «lower» the epic style, which is realized in a certain parody key. N. Kuek widely uses the idea of animalism, therefore the main character, capable of performing the necessary meaning-forming and structure-forming functions, becomes an animal narrator.

Keywords: poetic prose, N. Kuek, animism, pantheistic perception, natural essence, aphorism, image of a horse, traditional culture, technocracy, militarism

For citation: Hakuasheva M.A. Symbolic poetics of Nalbi Kuek (on the example of the story «The Excellent Horse Bechkan»). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; (64): 73–78. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-1-64-73-78

Прозаик Н. Куек проявил себя мастером художественной организации текста: его прозаические произведения написаны в манере поэтической прозы. Такая особенность соответствует тенденции в адыгейской литературе: «Бурное, плодотворное становление жанров прозы в 60-80-х годах в адыгейской литературе, – отмечает Р.Г. Мамий, – было продиктовано самой жизнью... В творчестве адыгейских авторов, таких как Х. Ашинов, П. Кошубаев, С. Панеш, Ю. Чуюко, Х. Теучеж и ряд других писателей... наиболее ярко проявилось такое мощное стилевое течение, как *лирическая проза*» [Мамий 2001: 42–43].

В повести «Превосходный конь Бечкан» автор рассматривает художественными методами болезненный процесс постепенного упадка традиционного образа жизни и культуры адыгов. Знаковым образом становится главный герой Салих, «лесной человек», как его называют односельчане, – из своих восьмидесяти лет шестьдесят он провел в лесу, чувствовал себя в нем «намного свободнее и уютнее, чем с людьми» [Куек 2011: 469].

Органически вписанные в природу главные герои повести являются единственными выразителями должного пути развития социума и космоса. Автор в своей обычной манере постоянно апеллирует к естественному единству природы, животных и человека. В эту гармоничную сферу входит отнюдь не все человечество, а отдельные редкие люди, наделенные некой эмпирической гармонией, являющиеся подлинным продолжением природы, ее высшим гуманистическим воплощением. Таково, например, «самоощущение» взрослеющего коня Бечкана, выполненное в типичном пантеистическом духе: «Бечкан... был частью этой нахлынувшей воды, легкого движения воздуха вокруг него, оживших в засверкавших травах... Он с нежностью ощущал, как порывистые дуновения воздуха охватывали его точеную голову, стекали по шее, шевеля гриву, и, расширяясь по гладкой спине, разбегались по всему телу...» [Куек 2011: 468].

Человек, укорененный в природе («лесной человек») и две лошади – Абекуш и ее сын Бечкан — как естественные природные существа не случайные персонажи, потому что для Н. Куека животные и «природные» люди — своеобразные индикаторы, безошибочно определяющие степень утраты подлинных ценностей. Подобная позиция не нова в мировой литературе, деструктивное начало любой цивилизаторской модели отстаивали Л. Толстой, Генри Торо, провозгласивший природную сущность (в интерпретации Торо – «дикость») как животворную основу любого живого существа, в том числе человека. Еще раньше Жан-Жак Руссо, усмотревший единственный способ для полноценного существования человека в естественном природном ландшафте, провозгласил лозунг «Назад, к самой природе!».

Автор отнюдь не склонен к идеализации человеческих ценностей, более того, он вводит в повествование образы лошадей будто бы для того, чтобы противостоять человеческому эгоизму. Коневодство – центральная отрасль не только хозяйственной жизни, но и традиционной культуры адыгов; тысячелетия люди и лошади составляли единый тандем; присутствие лошади во всех областях жизни было совершенно неотъемлемо в хозяйственной, военной практике народа, постепенно оно прочно вошло центральным концептом адыгского культурного и духовного космоса в миф, фольклор. Адыги-черкесы вывели блестящие породы ездовых лошадей, таких как Шолох, Абекуш, Бечкан и других, собственно, имена литературных героев-лошадей в повести происходят от названия пород. Старик Салих вырастил, любовно выпестовал сначала Абекуш (соответствующей редкой породы), затем ее сына Бечкана (рожденного от жеребца породы бечкан).

Время нарративного действия повести – период Великой Отечественной войны. Автор дает позитивную оценку конкретному историческому общественному явлению или феномену, исходя из принципов подлинного гуманизма, надежным маркером которого является «хорошее отношение к лошадям». Такой аксиологический принцип отнюдь не случаен: по мере развития сюжета образ Абекуш превращается в символ чистой природной сущности, наделенной физическим и духовным совершенством, врожденным благородством, высшей интуицией. Но такой высокой ступени индивидуальной эволюции Абекуш смогла достичь лишь благодаря ее хозяину Салиху, его неусыпной заботе, любви и пониманию. В описании ощущений Салиха, связанных с восприятием Абекуш, автор сумел передать особый невербальный тип реакции. Эта особенность обусловлена тем, что адыгский менталитет значительное время формировался в условиях военной демократии и обусловил аскетический образ жизни с минимальной вербальной нагрузкой и максимальным объемом моторно-волевых реакции. Это было обусловлено безусловным влиянием адыгского этикета (адыгэ хабзэ), который регламентировал все поведенческие паттерны, начиная от нравственно-этических, заканчивая гигиеническими предписаниями. Поэтому адыгский психотип можно с определенностью назвать конативным, интроверсивным, с превалированием скорее экспрессивной, а не эмотивной функцией выражения по сравнению с особенностями «вербальных» народов, долгое время имеющих письменность. Это, например, передано через восприятие Саида, который ощущает красоту лошади «сердцем», а не словом: «Никто не видит истинной красоты лошади, ее надо чувствовать так, чтобы словами невозможно было передать. Слова – тень того, что чувствуешь сердцем» [Куек 2011: 502].

Сдержанное отношение к слову — продолжение проявления любви и уважения к нему, — эта мысль заключена в авторских комментариях: «Народ, к которому я принадлежу, придумал самые красивые слова. Многие поверили этим словам. Только словом можно рассказать о себе, чтобы о тебе узнали другие. Есть еще другие способы, но слово сильнее всего — так считают люди» [Куек 2011: 419]. Однако автор отражает парадоксальность, амбивалентность народного восприятия по отношению к слову: «Но слово — только звук. Только – это даже слишком, но как иначе?» (Там же).

Напряженное размышление автора относительно природы войны, насилия, мирового зла приобретает характер глубинного разностороннего философского поиска, направленного в том числе и на область бессознательного. После жестокого столкновения с партизанами главный герой Салих видит сон, который отчасти освещает проблему невинных жертв войны. «Почему ты убил Хромого Бечира, ы?» – спрашивает его Салих. «Он бы донес на нас!» – «Но в чем он виноват?» – «А разве убивают только виноватых, Салих? Идет большая война, убивают тысячи. Кто спрашивает, виноваты они или нет? Ты родился, значит – уже виноват» [Кук 2011: 480].

Вторжение немецко-фашистских оккупантов заканчивается повторным ранением Салиха; его Абекуш, «никогда не знавшая ни хомута, ни хворостины, ни окрика, сама все понимавшая в полуслова, с легкого движения или мягкого прикосновения» [Кук 2011: 499], была запряжена в старую телегу, превращена в тягловую лошадь. Партизаны рассматривают великолепную скаковую лошадь как источник пропитания. Однако среди немцев находится офицер — подлинный знаток лошадей, который сумел по достоинству оценить Абекуш и намерен увезти ее в Германию в коммерческих целях для разведения редких дорогостоящих пород.

Автор сталкивает благородное животное с целым рядом испытаний, которые грозят ему гибелью исключительно по вине человека, – одной из них является технократическое видение мира. Заместитель председателя колхоза на всей скорости врывается в табун лошадей на мотоцикле, сбивает и калечит Абекуш. Он жалеет не прекрасное живое создание, а свой «пострадавший» мотоцикл, и на заседании правления колхоза пытается доказывать, что машина «стоит намного больше, чем весь этот нищий табун, и он заставит Лекура и Салиха расплатиться за него» [Кук 2011: 513].

Технократия, постепенно коммерциализирующая действительность, убивает живое чувство, становится подлинным злом. Она превращается в «Железного Волка» (главный персонаж в одноименном романе адыгейского писателя Юнуса Чуюко), разрушает традиционный, веками сложившийся уклад, не предлагая взамен ничего позитивного, разъединяет и ожесточает людей. Именно к таким же выводам приходит читатель при чтении художественных произведений современных русскоязычных адыгских писателей: Ю. Шидова, А. Макоева, В. Мамишева, А. Балкарова и др.

Драматизм сюжета к финалу стремительно нарастает, художественный дискурс постепенно начинает напоминать препокалипсис: приходит к концу все, что составляло смысл, цель и гордость адыгского народа. Неотъемлемый образ традиционной народной жизни – племенные скаковые лошади, обретшие мировую славу, в пространстве художественного хронотопа больше никем не ценятся, кроме Салиха, Лекура и мальчика Сани. Лекур – «косолапый», «кривоногий», но при этом чуткий художник, влюбленный в красоту, он в разных ракурсах пытается изобразить ускользающий образ любимого коня Бечкана. Своей странностью, несуразностью внешнего облика, манер он, несомненно, несет печать «юродивого», «блаженного», столь узнаваемого персонажа в русской классической и советской литературах. Эти черты на самом деле маркируют святость, чистоту, «внеземное», высшее назначение подобного типа героев. Лекур для автора – человек мира. Не случайно он связывает его с излюбленным и столь распространенным образом бога-кузнеца Тлепша, который, очевидно, способен своими руками «выковывать» новый мир: «Лекур, сцепив руки на затылке, прилег и стал представлять: «Я великан, мои ноги лежат в воде, спина перекрыла русло, плечи покоятся на стволах больших деревьев в лесу, а голова достает до облаков. Вот птицы садятся мне на грудь. Если пошевелюсь, вспорхнут птицы, заволнуется вода, обрушатся берега» [Кук 2011: 485]. За юмористической, иронической авторской интонацией – образ героя-фантазера, воображающего себя великаном, скрывается подлинное отношение автора к Лекуру как

истинному герою: он бросился в бурную реку, чтобы спасти Салиха и бесценную лошадь, и только чудом уцелел. Но благодаря усилиям Салиха, Лекура и Сани избежал гибели сын Абекуш – Бечкан, который по сути символизирует спасенное будущее.

Эти персонажи олицетворяют «хранителей», которые отвечают за сохранение и процветание прекрасных племенных лошадей. Но присущая Н. Куеку полисемичность неизмеримо расширяет рамки художественного повествования и формирует символический план восприятия этих (и других) литературных героев, а также самого контекста. Салих, Лекур и Саня воплощают реальных немногочисленных представителей адыгской культуры, которые не только способны понять и оценить подлинные духовные ценности древней адыгской народной культуры, сформированные тысячелетней сложной историей становления, но и отстоять их любыми путями, даже ценой собственной жизни.

Драматизм художественного подтекста обусловлен наличием символических исторических аллюзий, связанных с трагическими вехами реальной истории адыгского народа: Кавказской войны, которая нанесла адыгскому народу невосполнимые потери не только в отношении численности (в результате войны на исторической родине, как известно, осталось лишь 5% населения), трагедии Второй мировой войны, обозначенной сюжетом повести, но и всех сфер традиционной культуры, в том числе – коневодства, основного промысла адыгов. Автор не прибегает к исторической или художественной риторике, неартикулируемый исторический контекст так или иначе «мерцает» за счет недосказанностей, пауз, неопределенных отсылок к трагическому прошлому, которые вместе создают довольно плотный информационный и эмоциональный фон для посвященных.

Культовое отношение к лошадям, долгий кропотливый труд, вековые традиции и мастерство адыгов привели к появлению редких элитных кабардинских пород, снискавших мировую славу. Это отношение сквозит в описании Бечкана – образ коня и человека сливается в единый вневременной портрет, вписанный в пролонгированный разностадийный исторический хронотоп пантеистического восприятия: «Люди должны понимать, что быстрые ноги Бечкана – это... легкие, сильные, стремительные ноги наших предков, теперь только наши сердца могут быть такими. Разве можно уничтожить бег наших сердец, их полет?.. Глаза Бечкана – это и наши глаза: мягкие, кроткие, ясные, глубокие, они видят мир таким, каким он рожден в первый день творения... Бечкан не думает: для меня воды текут, дожди идут, травы растут, а видит себя вместе с ними, он тоже течет, идет, растет, дышит, светит...» [Куек 2011: 529].

Неслучайно в древней истории греков и адыгов длительный период сосуществования на Черноморском побережье привел к взаимной аккультурации, в результате которой родился и мифологический образ кентавра как следствие особой укорененности лошади в быту и культуре этих народов. Образы Абекуш и Бечкана как символы свободы и благородства олицетворяют дух адыгского народа, именно поэтому они становятся этическими и нравственными маркерами художественного текста.

Художественные произведения Н. Куека, как правило, подчинены единому стилю: текст насыщен философской символикой, сохраняет приверженность эпическому повествованию, (чаще по принципу эпической стилизации), например, в описании Бечкана: «Страшен был вид Бечкана. Он разрывал туман своим бегом, грива его металась в воздухе, из ноздрей полыхал огонь, а из-под копыт взметались искры. Стало тихо, Бечкан бежал через проход, образованный лошадьми, от его звонкого и гневного ржания дрожали даже травы» [Куек 2011: 512]. Характерно, что автор прибегает к художественным средствам выражения, типичным для эпического текста, – экспрессии, гиперболе. Однако этот прием реализуется, чтобы описать чудо-коня в мечтах Лекура, одного из героев повести, когда тот в отчаянной попытке найти справедливость только воображает «превосходного

коня Бечкана», который приходит ему на помощь, чтобы защитить свою мать – кобылицу Абекуш. Так в повести реализуется тенденция «снижения» эпического стиля, к которому автор прибегает в некотором пародийном ключе. Автор склонен к созерцательности, риторическому вопрошанию, афористичности: «Жизнь леса начинается в его корнях, но кто может увидеть их, а если и увидит, что он может понять?» [Куек 2011: 469].

Н. Куек широко использует идею анимализма, поэтому главным героем, способным выполнять необходимую смыслообразующую и структурообразующую функции, становится животное-нарратор... «Как раз субъектность нарратора и обуславливает его притягательность в литературе» [Шмидт 2003: 64].

Список источников и литературы

- Куек 2011 – Куек Н.Ю. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 1. Майкоп, 2011.
Мамий 2001 – Мамий Р.Г. Вровень с веком. Майкоп, 2001.
Шмидт 2003. – Шмидт В. Нарратология. Языки славянской культуры. М., 2003.

References

- KUEK N. Yu. Sobraenie sochineniy. V 8 t. T. 1. [Collected Works. In 8 volumes. Volume 1]. Maykop, 2011. (In Russian).
MAMIY R.G. Vroveny s vekom. [On a par with the century]. Maykop, 2001. (In Russian).
SCHMIDT V. Narratologiy. Yaziki slavianskoy kulturi. [Narratology. Languages of Slavic culture]. Moscow, 2003. (In Russian).

Информация об авторе

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы.

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 30.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 30.03.2025.